На чем это основан такой подход? Рискну определить и процитировать некоторые выводы, которые сделали Адам Пшеворский и два наших исследователя – Виктор Полторович и Николай Попов. Опыт многих стран (анализировалось больше 60-ти) показал: либеральная автократия или либеральный конституционализм оказывается более эффективным путем на определенном этапе развития, чем либеральная демократия.

Мне кажется, это и есть ответ, в каком направлении мы будем дальше развиваться, с кем идентифицироваться, какие коррективы вносить в свою политику и экономику. Россия сегодня не может стать либеральной демократией западного образца. Даже если бы и захотела. Не в Западную Европу ей нужно стремиться и не к противостоянию с ней, а к овладению общими гуманитарными ценностями, правилами игры на глобальном рынке.

И последняя фраза. Я прочитал одного критика нашего евразийства, он говорил так: у них много правильных вопросов, но нет правильных ответов. Если я хотя бы правильно поставил вопросы, то буду считать свою миссию выполненной.

Алексей МАЛАШЕНКО

Реальности и стереотипы восприятия ислама на Северном Кавказе

О значении ислама для политической обстановки на российском Кавказе написано множество книг и статей. Большинство из них идеологизировано и политизировано, что в нынешней обстановке неизбежно, но мешает адекватному пониманию роли религии в регионе. Некоторые авторы опасаются высказывать свое мнение, предпочитая излагать его в частных беседах. Таким образом, можно говорить о **первой реальности** – сознательном искажении истинного положения дел с исламом.

При всем том не вызывает разногласий **вторая реальность**: на Северном Кавказе религия и политика неразделимы, здесь политизирован весь ислам, все его разновидности – салафизм, тарикатизм, ислам мазхабов.

Реальность третья заключается в том, что в регионе на протяжении двух десятилетий существует оппозиция, в своей идеологии опирающаяся на постулаты ислама, действующая в рамках «исламского призыва». Несмотря на то что наличие этой оппозиции ни у кого не вызывает сомнения, она официально не рассматривается как политическая сила. Федеральная власть, а зачастую и некоторые главы местных субъектов предпочитают именовать эту категорию «бандитами» и «ваххабитами», сознательно или по неведению помещая эти определения через запятую. Таким образом, формируется **стереотип № 1** – исламская оппозиция есть бандиты.

Стремление власти так трактовать исламскую оппозицию объяснимо ее желанием свести политические сложности к заурядным криминальным разборкам: в этом случае силовые методы применяются, дескать, против уголовников, что заведомо оправдывает любые действия. Политический момент, таким образом, выводится за скобки, а с власти, как местной, так и федеральной, пусть частично, но снимается ответственность за положение в регионе.

Стереотип № 1 порождает **стереотип № 2**, суть которого в том, что оппозицию можно победить военным путем. А ведь весь мировой опыт последних десятилетий свидетельствует, что избавиться от религиозной оппозиции, опираясь исключительно на силовые методы, невозможно.

Даже находясь под непрестанным давлением и терпя неудачи, исламисты сохраняют огромный запас политической, человеческой энергии, остаются пружиной, способной решительно распрямиться, дестабилизируя внутреннюю обстановку. Такова **четвертая реальность**.

С другой стороны, есть и **пятая реальность**, которая состоит в том, что исламская оппозиция – не есть некое в чистом виде «классическое» религиозно-политическое движение. Это конгломерат, в котором задействованы также и паразитирующие на исламе криминальные структуры. И можно в известной степени понять представителей силовых структур, которые далеко не всегда представляют, кто в данный момент им противостоит с «калашниковым» в руках – честный религиозный фанатик или выходец из уголовного мира, отстаивающий свои меркантильные интересы. (Хотя, конечно, за годы междоусобицы в регионе правоохранительные органы были обязаны научиться тому, как различать своих оппонентов и каким образом действовать против каждого из них.)

Шестой реальностью и одновременно **стереотипом № 3** являются северокавказские ваххабиты. Само применение к кавказским оппозиционерам такой дефиниции выглядит условно. К возникшему еще в XVIII в. ваххабизму они имеют весь-

Алексей МАЛАШЕНКО
– доктор исторических наук, профессор

По материалам доклада на заседании Эльбрусского научного клуба по теме «Социально-политическая стабильность на российском Кавказе: этноконфессиональное измерение».

ма приблизительное отношение. Их также называют и салафитами, и фундаменталистами, и исламистами, и джихадистами. Суть не в терминах, но в программных установках оппозиционеров. А их главная цель достаточно очевидна: заставить общество жить по законам шариата, создать на российском Кавказе исламский анклав, т.е. некое подобие исламского государства.

Они выдвигают исламскую альтернативу как единственную, которая может разрешить все социально-политические проблемы региона, восстановить социальную справедливость, вернуть утраченную связь между обществом и властью (уже исламской).

Находящихся в оппозиции сторонников исламской альтернативы можно подразделить на две группы. Первая продолжает бороться за отделение региона от России и создание исламского государства (что-то вроде виртуального «кавказского имарата). Вторая – за образование шариатской территории в пределах России.

В чистом виде сепаратизм на Кавказе себя изжил. Позиции же тех, кто поддерживают шариатизацию в пределах РФ, выглядят внушительнее.

Можно бесконечно долго спорить о возможности воплощения в жизнь идеи исламской альтернативы. Но ее поддерживают не только исламские оппозиционеры. В нее верит значительная, лояльная власти часть кавказских мусульман, уставшая от постоянного напряжения, от коррупции властей, наконец, от безысходности собственной жизни. К исламу как к пути выхода из кризиса обращаются все чаще. На Северном Кавказе, особенно в трех его восточных республиках – Дагестане, Чечне, Ингушетии происходит исламизация общества, что становится **седьмой реальностью**. Хотя и не в столь сильной степени, она затронула и Кабардино-Балкарию, менее заметна – на западе Кавказа. Адыгея, Карачаево-Черкессия, мусульманская Осетия всегда были не столь исламизированы и предрасположены к религиозному радикализму. Однако и на западе региона исламский фактор ощущается все острее. К тому же сказывается активность ислама у соседей.

Здесь необходимо отметить еще одно, на наш взгляд, существенное обстоятельство. Исламизация происходит параллельно с «реконструкцией» (термин рабочий, и потому не совсем корректный) кавказской этнокультурной традиции, квинтэссенцией выражения которой является адат. Многие кавказоведы считают его истинной, примордиальной традицией, оппонирующей пришедшему на Кавказ позже шариату. Это мнение в значительной степени справедливо, оно опирается на историю народов Кавказа, на их зачастую сильное сопротивление исламизации. Примеры борьбы именем ислама против кавказских обычаев известны со времен средневековья. Это противостояние ярко проявилось в XVIII-XIX вв. на востоке Северного Кавказа – на территории Дагестана и Чечни. В конце XX-XXI вв. обе идентичности – собственно исламская и этнокультурная – в каком-то смысле задействованы в одном направлении – во имя восстановление порядка. Обе традиции переплетены друг с другом, они все более выступают как фактор регулирования отношений в обществе.

Исламизация является частью общей традиционализации местного социума, которая вызвана целым рядом обстоятельств: слабостью или отсутствием современного экономического сектора, упадком образования, миграцией русского населения, а также квалифицированных кадров из местных этносов. Наконец, причина традиционализации – это упоминавшееся выше бессилие и бездействие федерального законодательства, что и компенсируется реставрацией обычая.

Восьмой реальностью следует признать изменения, произошедшие в отношениях между традиционным (кавказским) и салафитским исламом. В последнее 20-летие они были крайне напряженными, и между обоими направлениями велась борьба, в которой традиционалисты (тарикатисты, сторонники мазхабов) выступали заодно с властью. В последние годы, несмотря на сохраняющиеся противоречия между традиционалистами и салафитами, выявились точки их соприкосновения. И те и другие выступают за исламизацию общества; и те и другие полагают, что выход из кризиса возможен лишь на пути ислама. И традиционалисты и салафиты придерживаются мнения, что сегодня главным врагом ислама является Запад, глобализация. Они солидаризируются с зарубежными радикалами – палестинским Хамасом, Ираном в скрытых формах – и с афганскими экстремистами.

Девятая реальность: в Чечне, в меньшей степени в Дагестане и Ингушетии ретрадиционализация и исламизация поощряются, а иногда и инициируются светской властью. Это особенно характерно для Чечни, где президент Рамзан Кадыров использует ислам для укрепления своей власти и консолидации вокруг себя общества.

Такой подход имеет свои плюсы и свои издержки. Полностью отвергать его или наоборот абсолютизировать будет поспешным. С одной стороны, «перехват» властью традиции у оппозиционных, экстремистских сил может способствовать росту ее авторитета у мусульман. Вопрос, однако, в том, насколько светская власть и ее союзники из числа лояльного духовенства способны успешно конкурировать с искушенными пропоповедниками и активистами из числа радикалов.

Исламизация общества может способствовать его расколу, поскольку далеко не все жители Кавказа готовы ее поддержать. Среди сторонников немало молодежи, тогда как значительная часть старшего и среднего поколения, воспитанного в советский период, относятся к религии индифферентно и даже настороженно, опасясь крайних форм ее проявления. Наконец, нельзя игнорировать и то обстоятельство, что с этими пуританскими нравами дале-

ко не всегда согласуется собственно кавказский менталитет и местные поведенческие нормы.

Традиционализация, так или иначе, становится откатом назад, возникает проблема, насколько она сочетаема с официально провозглашенным в стране курсом на модернизацию.

Десятая реальность такова, что традиционализация северокавказского общества дистанцирует его от российской «ойкумены». Абсолютизация собственной ценностной системы и нормативов поведения при отсутствии четко артикулированной парадигмы общероссийских гражданских ценностей превращает Северный Кавказ в некое «внутреннее зарубежье». Одиннадцатая реальность – поддержка исламских радикалов их зарубежными единомышленниками. Наиболее ощутимой она была в 1990-е. Проникновение на мусульманские территории России исламского фундаментализма явилось неизбежным следствием обрушения существовашего во времена СССР «железного занавеса». Это открыло путь для внешнего влияния не только с Запада, но также и с мусульманского Юга, с Ближнего Востока, Персидского залива, Афганистана. На Кавказе обосновался ряд влиятельных международных исламских организаций, в том числе экстремистского толка. Новая исламская идеология оказалась привлекательной, особенно для молодежи, испытывавшей разочарование в прошлом страны и не видевшей позитивных перспектив в будущем.

Именно в то время сложился **стереотип № 4**, будто именно внешний фактор – главная, если вообще не единственная причина возникновения радикализма в регионе. Этот давно ставший составной частью российской официальной идеологии и пропаганды миф тиражируется политиками и чиновниками самых разных рангов. Основной же причиной радикализации ислама остаются внутренние обстоятельства.

Во второй половине «нулевых годов» нынешнего века влияние на кавказский ислам извне резко уменьшилось. Этому способствовало известное разочарование местных мусульман в зарубежных миссионерах, считавших кавказский ислам несоответствующим ортодоксальной традиции, неуважительно отзывавшихся о местных нравах. Между «новым» (именуемым иногда «арабским») исламом и исламом кавказским сохраняется заметная дистанция. Кроме того, деятельность некоторых международных организаций запрещена российским государством на том основании, что они дестабилизировали обстановку и способствовали росту экстремизма. Закончилась война в Чечне.

Двенадцатая реальность – отсутствие у федерального центра стратегического видения ситуация в регионе, его неспособность предложить эффективную программу для выхода из кризиса, в частности, предотвращения дальнейшей политизации и радикализации ислама. Создание нового федерального округа, назначение его руководителем менеджера в ранге вице-премьера свидетельствует не только о значении, которое федеральная власть придает кавказскому региону, но также является признанием неудачи ее предыдущей политики.

Зато среди политических и религиозных деятелей, как в регионе, так и в Москве, утвердился **стереотип № 5**, в соответствии с которым «дерадикализация» ислама, ослабление тяги мусульман к салафизму и ваххабизму возможны с помощью совершенствования исламского образования.

Кстати, этот стереотип распространен в Европе, в Соединенных Штатах. Однако хорошо известно и то, что высокий уровень религиозного образования, глубокое знание ислама присущи также и многим радикалам. Представлять их «невеждами» – глубокое заблуждение.

Качественное религиозное образование знакомит со всеми направлениями в исламе. Молодой человек, который всерьез занимается богословием, мусульманской юриспруденцией, мусульманской культурой, имеет больше возможностей для своего личного выбора в исламе. И нет никаких гарантий, что он отдаст предпочтение именно той интерпретации ислама, которая кажется удобной властям и которая будет обязательно отличаться от радикальной.

Исламская образовательная система в России еще только формируется. Российское мусульманство не располагает достаточным количеством профессионально подготовленных преподавателей и проповедников для обучения и одновременно воспитания религиозной молодежи. Хорошо известно, что многие «официальные имамы» страшатся открытых публичных дискуссий со своими оппонентами, поскольку последние знают ислам и к тому же владеют навыками публичных выступлений.

Реальность тринадцатая. Джихад, который мы наблюдаем на Северном Кавказе, не есть исключение. Джихад – часть ислама, составляющая исламского мировоззрения, а не только сиюминутное проявление «исламского призыва» (да'ва исламийя). У него несколько интерпретаций, главная из которых – всякое усилие, совершаемое во имя ислама, борьба за распространение ислама, за его защиту, за его продвижение, т.е. за исламизацию. Малый джихад, или газават, вооруженная борьба не есть нечто самостоятельное, но прежде всего часть большого джихада. Противопоставлять большой джихад малому не имеет смысла.

Крайние проявления джихада нельзя устранить с помощью решения наиболее острых социальных вопросов, например безработицы, которая на том же российском Кавказе считается главной причиной поддержки молодежью исламского сопротивления. Конечно, в благоприятных социально-экономических условиях джихад окажется более ориентирован на решение мирных проблем, однако он все равно не утратит дух миссионерства.

Исламская оппозиция на Северном Кавказе действует в контексте международного джихада, совершающегося по всему мусульманскому

миру. Общее с Кавказом можно обнаружить в Судане, Алжире, Пакистане, Йемене.

Исламизм нельзя «устранить» при помощи демократизации. Исламисты способны использовать демократические инструменты, о чем свидетельствует опыт Ирана, Палестины, Судана, Египта, Пакистана, Марокко и т.д. Исламизм сохраняет активность и влияние при авторитарных режимах – в Узбекистане, Саудовской Аравии, Киргизии, Таджикистане.

И **последняя реальность**. Она слишком очевидна, чтобы ее не замечать, зато и слишком неприятна для тех, кто ищет прямолинейных подходов к разрешению кавказских проблем. Ислам, как религия, как идеология, как регулятор общественных отношений, многогранен, заключает в себе конгломерат самых разных, порой противоречивых, установок. Как и в любой религии, в исламе всегда присутствовали радикальные тенденции, ему не чужд дух экспансии, причем не только идейной, но и политической. Ислам нужно воспринимать таким, какой он есть, с учетом его местных кавказских особенностей, а также воздействия на него иных, распространенных в других регионах трактовок. Изолироваться от внешнего влияния просто-напросто невозможно.

В связи с этим следует упомянуть **последний (но не по значению) стереотип**, в соответствии с которым можно-де создать некий «удобный» для власти «послушный» ислам.

«Исламский вопрос», как и вообще проблема традиции на российском Кавказе, неизбежно встанет перед главой нового образованного в 2010 г. Северо-Кавказского федерального округа Александром Хлопониным. Призванный на Кавказ из Красноярского края как успешный менеджер, способный решать самые запутанные экономические проблемы, он отдает себе отчет о всей сложности ситуации в регионе, в том числе понимает, что «не единой экономикой» ему придется заниматься. «Северный Кавказ, – по выражению председателя Комитета по экономическому развитию, торговли, инвестициям и собственности Госдумы Ставропольского края Бориса Оболенца, – это вообще другая цивилизация».

Одной из причин назначения Хлопонина на эту непростую должность эксперты называют отсутствие у него «кавказских корней», иначе говоря, он не вовлечен внутрь кавказских отношений между кланами, группами интересов, ему никогда не приходилось иметь дело с исламской междоусобицей.

Главе нового федерального округа предстоит разобраться и сформировать свое понимание ислама и выработать такой подход, при котором использование ислама как обоюдоострого средства политической борьбы не оказалось препятствием на пути задуманных экономических и социальных преобразований. При формировании своего подхода Хлопонин, конечно же, будет опираться на мнения силовиков, считающих, что единственным средством общения с «неформальным» исламом является силовой нажим. Естественно, он не может не учитывать предлагаемое федеральной властью определение исламской оппозиции как «бандитов». Вместе с тем, будучи прагматиком, он не может не понимать, насколько неоднородны силы, выступающие под лозунгами ислама. Доведут до его сведения и то, что многие влиятельные политики в Дагестане, Кабардино-Балкарии не склонны абсолютизировать силовые методы и в принципе согласны с необходимостью диалога (разумеется, не с «непримиримыми»).

Думается, что Хлопонин будет прислушиваться к этому мнению. Кроме того, ему целесообразно включить в свою команду независимых экспертов, как кавказских, так и «внешних», способных представить объективный, неидеологизированный и неполитизированный анализ ситуации. Экономический прагматизм должен подкрепляться прагматизмом в оценке политической ситуации. Так или иначе, но успех его менеджерских замыслов зависит, в том числе, и от того, насколько ему удастся отойти от упоминавшихся выше стереотипов.

Частным, но вместе с тем показательным доказательством надежд, связанных с приходом А. Хлопонина, становится реакция на его назначение со стороны именно исламистской оппозиции, тех, кто ее поддерживает или просто ей симпатизирует. Иными словами, продолжит ли она действовать столь же активно, как и в предыдущий год, или почувствует, что в обществе в связи с новым назначенцем появились некоторые ожидания, и потому ее акции могут вызвать только раздражение людей и привести к падению авторитета? Или, напротив, фрустрация останется прежней, и радикалы, воспользовавшись этим, продолжат свою деятельность?

Очевидно, А. Хлопонину для успешности своей миссии важно, с одной стороны, заставить поверить себе колеблющуюся, протестную часть мусульман, но с другой – изолировать экстремистов от общества. А для этого необходимы быстрые видимые успехи. Одним из них может стать сдерживание агрессивности радикалов с помощью установления постоянного (не обязательно публичного) контакта между ними и новой администрацией. Скорее всего, это будет выглядеть не как слабость, но как своего рода мудрость нового руководства

Не отрицая необходимость борьбы, в том числе вооруженной, с экстремизмом и терроризмом, важно понимать, что экстремистами люди становятся не в одночасье. Они проходят непростой путь от «исламских диссидентов», оппозиционеров, с которыми можно и нужно вести диалог, тем самым предотвращая их дальнейшее движение в сторону экстремизма. Такой диалог нельзя превращать в идейно-политическую кампанию, он должен вестись постоянно, я бы даже сказал, вечно, ибо без него достичь стабилизации, создать и поддерживать нормальную обстановку на российском Северном Кавказе невозможно.